

Российская цивилизация. РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ: СУДЬБЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ("КРУГЛЫЙ СТОЛ")

Автор:

Презентация новой книги фонда "Либеральная миссия" - галереи портретов русских либеральных мыслителей и политиков XIX-XX вв. "Российский либерализм: идеи и люди" (М., 2004) - стала поводом для серьезного разговора о судьбах современного российского либерализма, о переживаемом им кризисе. Обсуждение состоялось на заседании фонда "Либеральная миссия" под председательством его президента **Евгения Григорьевича ЯСИНА**. В нем приняли участие: **Алексей Алексеевич КАРА-МУРЗА** (доктор философских наук, заведующий отделом Института философии РАН), **Игорь Моисеевич КЛЯМКИН** (доктор философских наук, вице-президент фонда "Либеральная миссия"), **Валентин Валентинович ШЕЛОХАЕВ** (доктор исторических наук, директор Института общественной мысли), **Иван Валентинович СТАРИКОВ** (секретарь федерального политсовета СПС), **Олег Витальевич БУДНИЦКИЙ** (доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН), **Владимир Михайлович ПАШИНСКИЙ** (аспирант Института социологии РАН), **Денис Викторович ДРАГУНСКИЙ** (научный руководитель Института национального проекта "Общественный договор"), **Ирина Муцловна ХАКАМАДА** (кандидат экономических наук, лидер партии "Наш выбор"), **Марк Юрьевич УРНОВ** (кандидат экономических наук, президент фонда "Экспертиза"), **Анатолий Григорьевич ВИШНЕВСКИЙ** (доктор экономических наук, руководитель Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН), **Борис Борисович НАДЕЖДИН** (кандидат физико-математических наук, секретарь федерального совета СПС), **Сергей Евгеньевич ВДОВИН** (кандидат исторических наук), **Отто Рудольфович ЛАЦИС** (доктор экономических наук), **Леонид Яковлевич ГОЗМАН** (кандидат психологических наук, секретарь по идеологии федерального совета СПС), **Анатолий Александрович ЕРМОЛИН** (кандидат педагогических наук, депутат Государственной думы РФ). Наиболее интересные моменты обсуждения, отражающие различные мнения участников по актуальным проблемам бытия российского либерализма, обобщены заместителем главного редактора **Наталией Михайловной ПЛИСКЕВИЧ**.

Е. Г. Ясин: Идеи либерализма не чужды России, хотя я и не сказал бы, что они в ней были когда-нибудь сильно укоренены. Но либералы в России были всегда. Самая главная проблема, которая сегодня волнует страну, мне кажется, в том, способна ли наша родина воспринять идеи свободы и привыкнуть к ним как к норме, как к ценности, без которой нельзя жить, а не как к подарку от власти. Швейцарская конституция 1999 г. утверждает, что свободны люди, пользующиеся своей свободой. Я воспринимаю либерализм как идеологию, которая проповедует эту истину.

Сейчас есть много разных суждений относительно того, что либерализм в России умер, оскандалился, доказал свою непригодность, чужд народу и прочее. Мне кажется, что мы стоим перед вопросом, закончилась ли история либерализма в России или только начинается? Хотелось бы, чтобы сегодняшний разговор был не просто о книге и даже не столько о книге "Российский либерализм: идеи и люди", а именно об идеях и людях, чтобы мы оглядывались в прошлое ради будущего.

А. А. Кара-Мурза: Думаю, что после выхода такого объемного издания само количество материала подвигает на более углубленное осмысление многих вещей. У меня есть ощущение, что все, кто будет далее рассуждать об истории российского либерализма, мимо этой книги уже не пройдут.

Я хотел бы выделить три проблемы, которые эта книга высветила достаточно ярко. Потому что это проблемы и сегодняшнего дня. Первая - *роль либерального просветительства* в истории российского либерализма, то есть вопрос о влиянии либералов на общественное сознание. Вторая - проблема *либерального реформаторства* в России, взаимоотношений либералов и власти, которая ставит перед нами вопрос, возможно ли участие либералов в нелиберальной в целом власти. И третья проблема - *внутрилиберальная политика*, проблема *партийного строительства*. Как политически самоорганизоваться либеральному лагерю в России? Как либерализму, учению по своей сути предельно плюралистическому, создать действующий коллектив единомышленников?

В отношении либерального просветительства существуют классические труды, в частности текст Ю. Хабермаса "Рождение общественности", которые показывают, что гражданское общество, во всяком случае там, где оно состоялось, формировалось информационными потоками, а вовсе не независимым бизнесом, как некоторые у нас представляют. То есть пресса, преподавание, университет становились своего рода горизонтальными посредниками между сегментами общества. В России до сих пор информация во многом представляет собой вертикальный "слив" каких-то нужных кому-то сведений вниз, в то время как гражданское общество формируется по горизонтали. У нас сейчас, слава богу, есть и это. Но огромная роль либерального просветительства, в первую очередь журналистики, публицистики, издательской деятельности, в становлении российского либерализма во многом недоучитывается. Другая ипостась этих горизонтальных информационных связей - академическая преподавательская деятельность, цементирующая целые поколения российской интеллигенции.

Вторая проблема, связанная с отношениями либералов и власти, сегодня еще более актуальна. Ситуация, когда либералов приглашают во власть, абсолютно стандартна. Модель национальной катастрофы, в которой либералы призваны спасти отечество, сформировалась еще при Александре I. Тогда М. Сперанский был призван императором после проигрыша первых антинаполеоновских кампаний, когда судьба Александра I буквально висела на волоске. Потом в той же модели были проведены реформы Александра II после поражения в Крымской войне, написан "Манифест" Николая II после поражения в Русско-японской войне и как реакция на первую русскую революцию. Список можно продолжить вплоть до последних десятилетий.

В нашей книге наглядно показано, как, в каких условиях, какими процедурами формируется либеральное лобби, которое потом и делает основные реформы. Великие реформы 1860-х гг. обычно связывают с Александром II, но гораздо меньше известно, что настоящим мотором реформ было именно либеральное лобби. Не царь-освободитель, а целая команда освободителей провела всю совокупность реформ. И через пять-шесть лет никого из них во власти не осталось. Достаточным оказался один выстрел Д. Каракозова, и половина реформаторского кабинета была изгнана, включая, кстати, и родного брата императора.

Стоит ли либералам идти на службу? - это классический вопрос, который до сих пор всерьез и справедливо дискутируется. Ведь даже очень умеренные люди, которых называют правыми консерваторами, либералами-консерваторами, такие как Д. Шипов, М. Стахович, П. Гейден, не стали участвовать, например, в столыпинско-треповских комбинациях, считая, что там власть лишь будет торговать их имиджем, но не даст ничего реально сделать. Это огромная драма, и правильность того выбора не ясна до сих пор.

Но даже после кризисов, связанных с Г. Распутиным, такие умеренные деятели, как А. Гучков, монархист В. Шульгин, предпочли не идти на службу, а участвовать в заговоре против Николая II. Это значит, что даже самые консервативные из прогрессивных деятелей не смогли ужиться с той властью. Сейчас, конечно, этот вопрос требует

новой аргументации. Власть в России изменилась, она стала конкурентной. И вопрос, идти ли в чужие комбинации или надо прорабатывать свои, остается дискуссионным.

И последний вопрос - как либералам организовываться? Кадеты и октябристы - классический вариант левых и правых либералов. Все попытки их примирения по меньшей мере запоздали. Только в 1915 г. был создан прогрессивный блок в Думе. Видим, время было упущено. Но могли ли они создать какую-то коалицию раньше? Этот вопрос до сих пор остается открытым. Аналогичный вопрос, как известно, - один из актуальнейших вопросов современного российского либерального движения.

Отечественная история свидетельствует, что возможности укоренения российского либерализма во многом были связаны с соединением практической земской работы и политического столичного либерального бомонда, чего сейчас не хватает России. Восстановить в регионах память об этих либералах-практиках - важная сторона нашего проекта. Наша книга демонстрирует мощь отечественной либеральной традиции. И то, что она не была в должной мере реализована, - некоторый вызов для нас - людей, претендующих на то, чтобы называться современными российскими либералами.

И. М. Клямкин: Издавая эту книгу, "Либеральная миссия" руководствовалась, естественно, определенным представлением о том, зачем мы ее издаем и какое она имеет отношение к тому, что происходит сегодня. Во-первых, эта книга показывает, что либеральная традиция в России существовала. Между тем имена большинства мыслителей и общественных деятелей, о которых рассказывают авторы, широкой публике не известны. Это - чрезвычайно полезный материал для формирования в обществе представления о глубокой укорененности либеральной традиции в нашей истории. Но я бы хотел обратить внимание и на то, что данная традиция в России была прервана. Перед нами - *книга о проигравших*, и от этого никуда не деться. И многие наши противники делают отсюда вывод, что либерализм в стране не прижился и не приживется. Весь вопрос в том, какой вывод из этого делаем мы.

Важно, что книга дает представление о российском либерализме в разных исторических ситуациях: в периоды послаблений и реформ; в периоды реакции; при выходе на политическую сцену народных масс, то есть во время революции. Для двух первых ситуаций характерна активность представителей той разновидности российского либерализма, которую можно назвать системной. Ее отличительная черта - *ориентация на власть*, на реформы "сверху", исходя из того, что больше их некому проводить. Это может быть или прямое участие во власти, или ее критика, но с установкой именно на изменение политики, а не на ее замену. Другая разновидность - антисистемная, свойственная периодам, когда *не определяться по отношению к революции, к действиям масс было уже невозможно*. Наиболее четко она представлена у П. Милюкова: мы в революции не участвуем, но пугаем власть революцией, чтобы добиться нужных нам уступок. Однако такое отстранение от движения масс привело в конечном счете к тому, что революционное движение оседлало другие.

Почему я об этом говорю? Скорее всего, судя по событиям в Сербии, Грузии и на Украине, цикл "бархатных" революций не закончился. Между тем мы сегодня практически не говорим об исторических персонажах, которые были приверженцами либеральных идеалов, но считали возможным их достижение революционными методами. Конечно, либерализм и революционное насилие считаются несовместимыми. Но современные "бархатные" революции - это принципиально новое явление, в котором грань между революцией и либерализмом стирается. В данном отношении - я имею в виду взаимоотношения либералов с "улицей" - отечественная традиция нам не помощник.

Еще одна новая проблема заключается в том, что либералы прошлого не имели дела с ситуацией, когда политическая власть легитимируется народным голосованием и опирается при этом на три своих монополии - финансовую, информационную и административную. Во времена кадетов Думу могли незаконно разогнать, но таких, как сегодня, манипулирующих выборными процедурами тогда не было. Можно ли, используя только легитимно-правовые способы, прорваться через барьеры, которые возведены с

трех названных монополий и которые блокируют становление либерально-демократической политической системы? Во всяком случае, подобных прецедентов еще не было. И последнее. Для русского либерализма начала XX в. оказалось неразрешимой *дилемма между нелиберальной державностью и либеральными ценностями*. Как только дилемма эта становилась политически актуальной, идея державности выходила у отечественных либералов на первый план, а либеральные идеи свободы и права отступали на второй, переставали быть приоритетными. Это в значительной степени и обусловило драму русского либерализма того времени. Сейчас, если вспомнить о событиях на Украине и о реакции на них большинства наших политиков и экспертов (в том числе и многих либеральных), мы опять сталкиваемся примерно с тем же. Старая драма страны и ее элиты повторяется. И, как всегда, уже в виде фарса.

В. В. Шелохаев: Книга убеждает, что идея о неукорененности либеральных идей в российскую почву и невозможности вообще разрешения кризисных ситуаций либеральными методами несостоятельна. Да, бывают периоды, когда либеральные проекты не реализуются, и важно выяснить, почему. В связи с этим я бы отметил несколько системообразующих моментов.

Все герои книги были патриотами своей Родины в лучшем смысле слова. Они решали ту же задачу, которая стоит перед нами, - *конструирование модели власти*. Выступая за формирование правового государства, они не хотели отнимать у него все функции и обязанности. В их представлении государство - не только политический или идеологический институт, но и регулирующая система в области экономики и социальной сферы. Мне кажется, для нас полезна идея, что правовое государство должно взять на себя функции регулятора всех отношений.

Что касается вопросов, связанных с национальными проблемами внутри полиэтнической империи, то предложения, которые высказывали российские либералы *о национально-культурной автономии* с предоставлением всех гражданских и политических прав вне зависимости от национальности и конфессии, мне кажутся самым разумным подходом к решению национального вопроса и созданию единой партии, основанной на гражданском обществе. Где тут национализм, в котором их пытались обвинять и справа, и слева? Я думаю, что это здоровый, рациональный подход.

Тут был затронут вопрос взаимоотношений либералов с "улицей". Сложилось впечатление, что либералы с массами работать не могут. Посмотрим, однако, на факты: во время выборов первой и второй Думы 82% избирателей были крестьяне. И эта "темная масса" выбрала кадетов, у которых оказалось 179 мандатов, а в третьей Думе - 164 мандата. Это стало показателем для власти, которая сотрудничала с третьей Думой, чтобы проводить свои реформы. Ситуация принципиально изменилась в 1917 г., когда кадеты проиграли выборы в Учредительное собрание. Но Первая мировая война вообще изменила весь контекст, и вперед вырвались крайне экстремистские силы. Можно говорить, что мы имеем дело с людьми, *потерпевшими неудачу в экстремальных условиях*. Но это не означает, что либерализм непригоден для России.

И. В. Стариков: Подавляющее большинство очерков книги, посвященных российским либералам, нашло материальное воплощение в виде мемориальных досок в соответствующих регионах. Это чрезвычайно важно, потому что позволяет местной элите соотносить себя с историей своих регионов. Кто-то сказал, что каждый человек живет сам с собой, но при этом надо заботиться, чтобы это была хорошая компания. У либералов, в отличие от прочих, эта компания, как правило, хорошая. Потому что это люди со своими взглядами, внутренне свободные, морально "не вывихнутые". Я надеюсь, что таких людей будет все больше и больше.

Здесь я бы хотел обратиться к современности, а именно - к тому, что я называю *прикладным либерализмом*. Когда арестовали М. Ходорковского, очень многие этому радовались. И власть явно понимала, что она эксплуатирует самые низменные чувства и инстинкты толпы. Теперь мы видим, что стремительно растут цены на бензин. Ко-

нечно, в значительной степени это связано с ростом цен на нефть, но я вас уверяю, что имеет место и сговор нефтяных компаний. Это осознанная необходимость бизнеса копить деньги, чтобы откупаться от судов и прокуроров, что происходит за счет наших уважаемых сограждан. Это и есть прикладной либерализм. Если мы сможем простым языком рассказать людям, что они ошиблись, радуясь аресту одного из крупнейших бизнесменов России, и сегодня за это расплачиваются, количество наших сторонников будет неумолимо расти.

О. В. Будницкий: Главная проблема русского либерализма - не взаимоотношения внутри либерального сообщества, а *так называемый народ*. Я говорю "так называемый", потому что не так просто понять, что под этим словом понимается. И может быть, главная болезнь русского либерализма начала XX в. состоит в том, что он не до конца изжил народничество.

Оглушительный успех кадетов на выборах в первую и вторую Думу заключался в их левой фразеологии. Они ведь предлагали принудительное отчуждение земли. А много лет спустя, уже после коллективизации, когда все либералы ждали, что наступит конец советской власти, В. Маклаков писал, что большевизм был самым национальным русским явлением, что уравнивание по худшему и по низшему - важнейшая и непреодоленная национальная черта.

Если мы говорим о современном либерализме и его взаимоотношениях с народом, то надо думать, на каком языке ему с народом разговаривать, как его убедить. По последним опросам, главными демократами России люди по-прежнему считают В. Путина и В. Жириновского. Так что *вопрос языка принципиально важен*. Нужно думать, как заниматься агитацией и пропагандой, без которых не может обойтись ни одно политическое движение.

В. М. Пашинский: Если сопоставить общую динамику реформ в период правления Александра II и с 1985 г., то с разницей примерно в 130 лет ключевые моменты практически совпадают. Россия - большая система, обладающая собственной инерцией, которая и определяет хронологию перемен. Реформы Александра II формально закончились в начале 1870-х гг. городской и финансовой реформами. А спустя несколько лет, с конца 1870-х, возникла необходимость продолжения преобразований. Примерно через шесть-восемь лет, то есть в конце первого срока преемника Путина, Россия столкнется с потребностью в каких-то переменах. А с 2006 г. у нас, по крайней мере, формально, должна утвердиться система органов местного самоуправления. Это означает, что в ожидании потребности в переменах основным направлением усилий идеологов и теоретиков либерализма *должно стать местное самоуправление*. Может быть, это главное, о чем стоит помнить.

Д. В. Драгунский: И. Клямкин сказал, что эта книга о проигравших. Мне трудно с ним согласиться. Я считаю, что эта книга про тех, *кто вечно существует, но кто никогда не одержит победу*. Либералы не победят в том смысле, в котором мы понимаем победу, то есть у них никогда не будет конституционного большинства в парламенте и своего президента.

Насколько я понимаю, либерализм - не только определенные макроэкономические институты, внедренные в нашей стране и возбудившие некоторые иллюзии и фантазии касательно того, что у нас либералы одно время были у власти. Либералов у власти не было. Власть была в руках у людей с определенным макроэкономическим инструментарием. Либерализм, конечно, не сводим к экономике. Это очень сложное мировоззрение, способ переживания действительности. Поэтому задача для либералов - *найти свою нишу*.

Я сейчас вспоминаю человека крайне несимпатичного для либералов, французского коллаборациониста П. Дрие Ле Рошеля. Это был очень активный политический деятель, публицист, который хотел, чтобы во Франции утвердился соответствующий то-

талитарный режим. И у него были единомышленники, думаю, человек 46. И мне кажется, что вице-президент гипотетического фонда "Тоталитарная миссия" во Франции тоже, наверное, про пятерых из них услышал бы впервые, если бы про них выпустили такую книгу. Коллаборационисты старались, немецкая оккупация была даже им в помощь, однако у них не получилось. Тем не менее они никуда не делись.

Либералы представляют собой весьма оригинальное течение, которое не вполне родственно течению народному. То есть во Франции хотели сделать то, что называется "ставкой на сволочь". Во Франции это не прошло, в России же прошло с блеском. Правда, и Франция полностью не освободилась от наследия французских тоталитариев. Она остается страной достаточно жесткой, бюрократической, ксенофобской. Возможно, что и в России наследие либерализма в той или иной форме существует всегда. Предел либеральных мечтаний не имеет границ, но нам хорошо было бы знать, что *наша ниша - это экономическая теория, местное самоуправление плюс еще какие-то хорошие вещи*. И уж во всяком случае, не утопия построения либеральной России.

И. М. Хакамада: Я абсолютно не согласна с тем, что построение либеральной России - утопия. Но я не буду доказывать обратное, потому что на историческом опыте России доказать это невозможно. И с этой точки зрения интереснее говорить о том, что именно нужно делать, чтобы эту утопию хотя бы в сознании людей превратить в нечто вполне конкретное. Я считаю, что для этого необходимо решить три взаимосвязанные друг с другом проблемы.

Первая состоит в том, что *российская политологическая и научная элита*, несмотря на то, что часть ее достойно и с мужеством защищает либерализм, *не выдвинула его системной модели для сегодняшней России*. Мы изучаем историю, ссылаемся на европейские страны, но мы повторяем ошибки либералов-экономистов. Молодое правительство Е. Гайдара - А. Чубайса занималось тем, что пыталось копировать западные модели, но не смогло адаптировать либеральную экономическую модель к российской действительности. Сейчас что-то постепенно формулируется, но до сих пор не существует четкой школы русского либерализма, как политического, так и экономического. Поэтому в своих спорах мы быстро заходим в тупик, например с тем же Б. Немцовым, когда он говорит, что надо изъять часть ренты. Все сразу начинают очень бурно реагировать на эти слова, слышатся обвинения в антилиберализме...

Или, например, когда человек начинает говорить, что снижение налогов и независимость бизнеса - замечательно, но учителя, формирующие сознание будущего поколения, не должны получать в либеральной модели две тысячи рублей, ему отвечают: "Ты вообще левым стал". Это плохо. *Если даже в элите не сформулирована гуманистическая модель либерализма с человеческим лицом на уровне системной теории, то нет речи о единстве*. Мы не знаем, вокруг чего объединяться, кроме абстрактных лозунгов за свободу. Пора двигаться дальше. И я думаю, это самый важный шаг, который должен быть совершен в ближайшее время.

Сейчас самая популярная книга среди молодежи - "Дао Винни-Пуха". Это книга английского писателя Б. Хоффа, который в диалогах ученого с Винни Пухом в шуточной форме объясняет ценности даосизма. У нас ничего подобного нет. Хотя вы знаете, что в европейских странах даже календарики выпускаются, где и конституция, и права человека написаны в юмористической форме, и дети это учат с младенчества. У нас нет таких форм, мы слишком серьезно относимся к своему ничтожеству. Когда мы начнем относиться к нему с юмором, возможно, мы станем действительно великими.

Следующую проблему, но уже не либералов-ученых, а либералов-политиков я вижу в их *глубоком снобизме*. Они считают, что несут какую-то либеральную звездную философию, которая по большому счету никогда не будет принята, тем более в России, а если ее поймут, то максимум 10 - 15% людей. Какая там власть? Мы такие умные, мы настолько далеко смотрим вперед и в космос, что это российское быдло никогда нас не поймет. Но все уже давно не так.

За 15 лет народ в России прошел такую дикую школу выживания, какой не было в современной Европе. Патернализм исчез как институт, причем исчез жестко и цинично. Когда вы приходите в поликлинику и в качестве бесплатной услуги вам могут дать какие-то копейные койки без простыней и врача, вы понимаете, что надо "крутиться". И люди 15 лет "крутятся" самостоятельно. Если властей предрержащих поместить в такие условия, без помощи государства, без украденных денег, взять голенькими, одеть в тренировочный костюм и утром выкинуть в сегодняшнюю жизнь - они погибнут. Я считаю, что 100% русского народа - либералы. *Просто мы не можем сформулировать свои модели, ответить на их нужды.*

Простой человек говорит: "Я учитель, я хочу получать нормальную зарплату. Путин мне обещает, но не делает, а что ты, либерал, можешь мне предложить?". И вместо ответа он слышит разговоры о свободе средств массовой информации, о свободе личности. Человек логично рассуждает: "Да, Путин плохой, но он очень конкретный, а либералы говорят совсем ни о чем". Так дальше нельзя. *Либералы-политики должны понять, народ либеральнее, чем они сами. И их задача - отвечать на вызов народа, а не давить на него своими абстрактными теориями. Либерализм - это индивидуализм с точки зрения ценностей, но это не снобизм, когда утверждается, что надо менять народ, чтобы снобов, наконец, кто-нибудь понял.*

И наконец, третья проблема - *кризис института лидерства*, который вытекает из всего вышесказанного. Поэтому и новые стоящие люди не приходят, а возникают какие-то маргиналы, молодежь заражена цинизмом. Их покупают, а мы их теряем, потому что от нас нет нужного сигнала. Я уверена, что если будут решены две проблемы, решится и третья, а самое главное, что все это может появиться вне зависимости от цензуры в СМИ, потому что такие сигналы пробивают стены. Сегодня же ничего не пробивается, даже если вас показывать с утра до вечера, как показывали нас по Первому каналу телевидения во время выборов. Мы ведь не покидали экраны телевизоров и все-таки проиграли. Потому что говорили на непонятном языке, и люди это видели и слышали.

М. Ю. Урнов: Я во многом согласен с И. Хакамадой, но только не в том, что наш народ страдает от избытка либерализма. Стратегическую слабость сегодняшнего российского либерализма я вижу в *отсутствии конкретных политических ответов на не менее конкретные вызовы современности*. Например, каким должен быть либеральный ответ на вопрос о жизни общества в условиях войны с терроризмом? Как мы должны бороться с состоянием умов нынешнего современного российского общества, отягощенного всем, чем только можно, от авторитарного синдрома до глубокой политической апатии? Как должен развиваться российский либерализм, в особенности в условиях развитой организованной преступности и тотальной коррупции? С этими вызовами надо работать.

Но сегодня, к великому сожалению, мы ограничиваемся повторением дорогих нашему сердцу лозунгов, а действуют те, у кого есть свои, не удовлетворяющие нас ответы на вызовы современности. Мы критикуем позицию наших оппонентов, не выдвигая своей программы. Это фундаментальная слабость, и ее надо преодолевать.

А. Г. Вишневецкий: Один из вопросов заключается в том, *почему в России значительная часть интеллигенции так легко отказывается от либерализма!* Мы сейчас наблюдаем, как быстро пишущие, выступающие по радио и телевидению люди научились брать в кавычки слова демократия и свобода. Похожая ситуация была в Германии в 1920-е гг., когда, по существу, лучшие интеллектуальные силы страны подготовили приход А. Гитлера к власти. Все развивали идеологию, основой которой был антилиберализм. Если интеллигенция, я бы даже сказал - ее большинство, стоит на антилиберальных позициях, никакого будущего, во всяком случае, ближайшего, у либерализма нет.

Почему лучшие перья в газетах все время объясняют, что либерализм плох? Не знаю, думаю, что все-таки это связано с состоянием и структурой общества. Здесь, наверное, есть элемент предательства, потому что речь идет об отступлении на словах от тех ценностей, которым люди следуют в своей реальной жизни. Они живут в либеральной или почти либеральной среде, а другим объясняют, что либерализм - это плохо. Никто бы из них не захотел жить сейчас в Северной Корее. Они только в принципе за это. Что это? Предательство? Конформизм? Недомыслие? Может быть, даже просто невежество?

Какая у нас, оказывается, короткая память! Каждый день читаем, что до 1991 г. мы ездили по бесплатным путевкам в санатории, и было очень хорошо... Вспомните, как мы жили? А все информационное пространство сегодня буквально заполнено ностальгией по тому, чего не было, изображением величия, которого нет и не будет. Это утверждает московско-петербургская интеллигенция, которая живет совсем неплохо и не страдает от проблем, затрагивающих большинство населения провинциальной России. Мне кажется, что надо бы политикам обратить на это внимание. Через голову этого слоя невозможно получить понимание электората. Если люди с репутацией интеллектуалов будут говорить, что свобода вазона, но безопасность важнее, мы не будем иметь ни свободы, ни безопасности.

Б. Б. Надеждин: Я не хотел сегодня высказываться, но выступление Хакамады меня взволновало. Сколько бы она ни рассказывала, что бюджетники, живущие на две тысячи рублей в месяц, - либералы, они никогда не будут за нас голосовать. В лучшем случае они будут голосовать за Путина и Единую Россию, в худшем - за Д. Рогозина и иже с ним. Потому что у бюджетников должны быть свои политические представительства, они заинтересованы в усилении государства, это абсолютно очевидно.

С. Е. Вдовин: Если мы все-таки предложим некий политический диагноз процессам, происходившим в 1917 г., то можем сказать, что *либералы смогли победить историческую власть*. Рухнуло самодержавие, либералы фактически даже добились ответственного министерства, но оказались несостоятельными в борьбе с левыми идеями. Причем их поражение произошло не осенью 1917 г., а уже к концу апреля: для всех было ясно, что либералы проигрывают, потому что не могут дать людям понятного ответа на волновавшие их в тот момент вопросы.

Вроде бы диагноз уточнить просто: либералы были далеки от народа и не занимались его проблемами. Однако это тоже не так очевидно. Было земство, благодаря которому в России появилась система начального образования, возникла начальная школа. Это заслуга либерализма. Ни одно государственное учреждение в России не хотело заниматься начальными школами, и именно земству пришлось взять на себя решение этого вопроса. В сфере здравоохранения был сделан огромный шаг в борьбе с эпидемиями, к 1917 г. проблема эпидемий в крупных городах во многом сошла на нет. Тот же А. Гучков, например, стал известен вначале как крупный водопроводно-канализационный деятель, этим он заработал авторитет в Москве. Но не надо забывать, что земства существовали в тепличных условиях, что правом участия в выборах земств обладал 1% населения. В таких условиях участвовать в выборах достаточно комфортно. Проблем борьбы с левыми идеями у либералов не было, потому что их носители в этих выборах не участвовали, соответственно, не было опыта политического противостояния.

Сегодня не существует проблемы отсутствия всеобщего прямого избирательного права. Поэтому мне представляется, что сейчас для либералов главное - участвовать в выборах, *уметь увязывать свои либеральные идеи с решением конкретных проблем людей*. И через это проверять, во-первых, верность своих идей, а во-вторых, добиваться того авторитета, который позволит в России существовать либерализму.

О. Р. Лацис: Я думаю, Клямкин совершил очень правильную провокацию, когда сказал, что либералы всегда проигрывали. Интересно, что это довольно банальное сужде-

ние многих так зацепило. Ужасно досадно, что такие умные люди всегда проигрывают. Это и есть, может быть, главный вопрос, который сегодня надо обсуждать: *почему либералы всегда проигрывали в России?* Можно, конечно, возразить, что это вопрос критерия. На одном пароходе дрались две команды, одна победила, выкинула другую с мостика, взяла в руки руль, и пароход налетел на камни. То есть победители с точки зрения исторического анализа зачастую оказываются проигравшими. И весь народ, все следующие поколения потом говорят, что на самом деле победили те, которые проиграли, что если бы они взяли власть, мы не налетели бы на камни. Но это очень слабое утешение и немного не тот выигрыш, которого бы нам всем хотелось. Наверное, все-таки пришло время разобраться, почему так происходит.

Для поражения либералов в 1917 г. было довольно много причин. Но из того, что они проиграли сегодня, делается известный вывод - нам достался не тот народ, он нас, либералов, не понимает. А может быть, дело в том, что *народу не те "мы" достались!* Скажу сразу: народ у нас самый обыкновенный. Он живет по тем же законам общественного развития, по которым живут и все другие народы. Он переживал и переживает определенные этапы демографического взросления и демографического возраста, которому соответствует способность воспринимать те или иные идеи, просто по самому составу населения. Но это, конечно, не все объяснение.

Есть очевидный факт - ужасающее, позорное равнодушие народа к тому, что происходит в Чечне. Но ведь это и равнодушие интеллигенции, и значительной части тех, кто именует себя либералами. Социологические опросы показывают, что средний по репрезентативной выборке гражданин ставит чеченскую войну где-то на шестое место среди проблем своей жизни, даже не замечая того, что через Чечню прошло уже более миллиона граждан России, которые уже "развезли" ее по всей стране. Мы уже видим чеченский синдром в действии, но у нас он еще накладывается на афганский синдром. Речь идет о людях, которые не умеют жить по-другому, они больны и нуждаются в лечении. Между тем для народа это далеко не первая, и даже не пятая проблема в жизни. Если мы говорим о современности, нам прежде всего надо серьезно разобраться, что сегодня в России происходит с либеральной идеей.

Л. Я. Гозман: Мне кажется, что роль либеральной идеологии в жизни сегодняшнего российского общества не достойна того наследия, которое нам досталось. Дело здесь в нас самих, *в низкой самооценке либерального сообщества.* Я не понимаю, как можно в начале XXI в. фактически повторять написанное людьми типа В. Распутина или В. Белова, что в толще народной жизни - подлинная правда, а либерализм - всего лишь накипь... Мы не накипь. А народ ни хороший, ни плохой, он такой, какой есть. Также я не стал бы утверждать, что наши соотечественники все сплошь либералы - достаточно посмотреть на то, как они голосуют.

Я считаю неуместными разговоры о патернализме советской власти, поскольку никакого патернализма не было. Власть относилась к людям предельно жестоко. Почему же мы повторяем стереотипы, на которых сегодня паразитируют Рогозин, часть Единой России и вся державно-советская идеология? Идея покаяния для либералов мне кажется ужасной, она очень плохо характеризует наше сообщество. Все хорошее, что было сделано в нашей стране за последние 15 лет, сделано благодаря им.

И еще мне кажется, если говорить о нашем наследии, о его достойном управлении, то либералы в России всегда были самыми умными и давали ответы на вызов времени, и в этом была их сила. Я глубоко убежден: то, что получилось в 1992 г. и потом - в 1993, 1995, 1997 гг., получалось прежде всего потому, что люди, которые это делали, в том числе часть присутствующих здесь, точно знали, как надо действовать. А другие, которые на них смотрели и, может быть, даже не одобряли их действий, все равно понимали их правоту. Это обстоятельство давало силу и политическую эффективность. Сегодня, мне кажется, российское либеральное сообщество не отвечает на интеллектуальный вызов. *Либералы сегодня сами не знают, что и как надо делать, и уж, разумеется, те, кто смотрит на них со стороны, точно это понимают.* Нужно искать и находить ответы на вопросы, на которые нет простых и очевидных ответов.

Е. Г. Ясин: Я думаю, что важное качество любого человека - это способность на поступок. Недавно Д. Козак вел переговоры в Карачаево-Черкессии и встал на колени перед женщиной, которая потеряла сына. Это поступок. Я предоставляю слово А. Ермолину, который тоже совершил поступок, с чем я его и поздравляю.

А. А. Ермолин: Сейчас хорошее время для идей либерализма уже хотя бы потому, что у нас появились оппоненты. Еще лет пять назад можно было выйти на Красную площадь и кричать: "Я люблю либерализм". При этом все бы смотрели на тебя, как на идиота, и говорили: "Мы все любим либерализм". И не с кем было спорить, потому что не было альтернативной точки зрения. Как мне кажется, одна из самых больших ошибок, которую сделали либеральные элиты, заключается в том, что они действительно почувствовали себя элитами и *превратились в некий закрытый клуб*.

На самом деле, все не так плохо. Всей своей предыдущей деятельностью до прихода в Думу я пытался вместе с коллегами доказать, что совсем не трудно перевести либеральные идеи на молодежный язык. У нас есть программа "Лига дела", второе ее название "Идущие сами", в отличие от "Идущих вместе", у нас конкурс на эту программу 42 человека на место. Мы просто не можем сейчас охватить всех желающих. Этим летом к нам подходили молодые люди и говорили: "Вы с нами что-нибудь сделайте, у нас крыша едет. Вы нам такие простые вещи рассказываете, но мы первый раз об этом слышим". А рассказывали мы им о том, как устроено гражданское общество. Либеральные идеи можно и нужно излагать языком, понятным молодежи. *Уверен, что молодежь готова и открыта к восприятию наших идей*.

Е. Г. Ясин: Я бы не хотел, чтобы мы упрощали проблемы, с которыми сталкиваемся. Д. Локк когда-то сказал: "Свобода нужна немногим, но эти немногие должны обмануть остальных, убедить их в том, что она нужна всем". И свобода действительно нужна всем, потому что без свободы не бывает богатства. Демократия - не то же самое, что либерализм, это просто порядок, при котором люди могут пользоваться плодами свободы.

Лично я глубоко убежден, что есть такие повороты истории, когда слишком многое зависит от одного поворота флюгера. И если бы Россия не вступила в Первую мировую войну, я уверен, что большевики никогда бы не пришли к власти, и у нас была бы совершенно другая история. Но так случилось, что в это время в Петербурге не было Распутина, который в 1911 г. отговорил императора от вмешательства в дела Сербии, а в 1914 г. в это время он был в Сибири. Я это говорю не к тому, чтобы подчеркнуть роль случайности в истории, просто если мы будем считать, что нам надо обязательно построить партию, которая придет к власти и будет реализовывать либеральные идеи, то это чистой воды маниловщина. Надо смотреть на вещи реально.

Я думаю, что не только в России народ "какой-то особенный". Поэтому и *существует сложная система воздействия на общественное мнение*, у нас массовые коммуникации сейчас вполне умеют это делать. Но я полагаю, что есть необходимость и в некоем сообществе людей, которым нужна свобода и которые, может быть, никогда не будут в обществе большинством. Впрочем, может быть, и нужна такая народно-демократическая партия, которая бы сознательно занималась демагогией и пиаром, но не для того, чтобы завоевать привилегии для какого-то меньшинства, элиты, а для того, чтобы реализовать на практике либеральные и демократические идеи. Пусть такая партия постоянно спорит с левыми, с социалистическими партиями, но только важно, чтобы те же были демократически настроены.

Мы должны понимать, что *ключевая проблема сегодня касается даже не либеральной идеи, а демократии в целом*. Все должны приучиться не к либеральным идеям, а к тому, что нужно ходить на выборы. Необходимо изолировать тех демагогов, которые говорят, что этого делать не надо. Чтобы люди понимали, какова цена популизма.